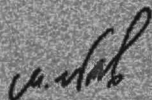

0-779500

На правах рукописи

Шистеров Максим Валерьевич

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА
В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2009

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории ГОУ ВПО
«Уральский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, доцент
Земцов Владимир Николаевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, доцент
Алексеева Елена Вениаминовна

кандидат исторических наук,
доцент
Высокова Вероника Витальевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Пермский
государственный университет»

Защита состоится «25» ноября 2009 г. в 10 часов на заседании Диссертационного совета Д 004.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Учреждении Российской академии наук Институт истории и археологии Уральского отделения РАН по адресу: 620026, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 56.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Учреждения Российской академии наук Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.

Автореферат разослан «28 ннт» 2009 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
доктор исторических наук

Е.Г. Неклюдов

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000620980

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность работы. События последних десятилетий, связанные с радикальной трансформацией всех составляющих общественной структуры и индивидуального сознания в России, предъявляют к отечественной исторической науке новые требования, ответить на которые отнюдь не просто без существенных изменений как тематического, так и теоретико-методологического плана. Осуществляемый в настоящее время российскими научными и политическими элитами поиск философско-идеологических оснований для будущего развития в условиях постиндустриального когнитивного общества вряд ли может быть успешен без обращения к национально-исторической памяти народов.

В настоящее время только осознается проблема недостаточной изученности темы войны 1812 г. Длительный и довольно стойкий интерес к этой проблематике предопределил возникновение всеобщей иллюзии о некоей «изученности» событий, об очевидности причин, хода и последствий вторжения Наполеона в Россию. В действительности, все работы о «русском походе» императора французов легко «встраиваются» в общую для той или иной страны национально-мифологическую конструкцию, повторяя и варьируя, в сущности, одни и те же «национально ограниченные сюжеты». Историческая память народов (в том числе и русского), создавших историографическую традицию восприятия «1812 года», формировалась как на основе конкретно-исторических сюжетов, восходящих к коллективным представлениям и культурному опыту участников событий, так и находясь под воздействием государственной идеологии и «государственного интереса», культивируемых Властью. Тем не менее, замкнутость национальных историографических традиций стран Запада никогда не была полной, разрушаясь в настоящее время под воздействием интеграционных процессов в Европе и мире. Каким будет в этих условиях завтрашний российский миф? Будет ли он вообще? Можно ли (нужно ли?) совершенно демифологизировать российский «1812 год»? Поиск ответов на эти вопросы вряд ли будет плодотворен без обращения к развитым историографическим традициям западных стран, прошедшим (как

и российская историография) длительный путь развития в «поле притяжения» национальной исторической памяти, а потому предоставляющим немало примеров ее хитроумных «ловушек». Думается, что сегодня, накануне 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г., назрела необходимость в расширении исследовательского поля российской исторической науки за счет включения в него национальных историографических традиций зарубежных стран. В этом нам видится актуальность данного исследования.

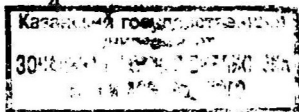
Объектом исследования выступает комплекс многожанровой литературы исторического, историко-публицистического, мемуарного и иного характера, посвященной проблемам войны 1812 г. в России.

Предметом исследования являются государственно-политические, культурно-исторические и социально-психологические процессы формирования, развития и изменения «больших» историографических традиций стран Запада; их соперничество, взаимовлияние и взаимопроникновение; а также факторы, детерминирующие их стабильное состояние, трансформации или метаморфозы.

Целью исследования является комплексный историографический анализ основных зарубежных национально-историографических традиций изучения войны 1812 г., позволяющий представить общественно-исторические условия развития зарубежной науки, ее генезис, методы, круг и характер источников, провести сравнительное изучение историографических традиций, выявить их специфические особенности, степень и глубину разработки основных проблем кампании 1812 г.

Поставленная цель работы требует решения ряда конкретных задач:

- проанализировать существующие в зарубежной науке национально-историографические традиции изучения темы войны 1812 г., показать их генезис и эволюцию;
- охарактеризовать и систематизировать исторические работы, представленные в рамках изучаемых традиций;
- прояснить мифологическую основу национально-историографических традиций, определить особенности формирования и функционирования национального мифа;

- выявить и изучить специфические факторы, оказывающие воздействие на формирование и развитие национальной историографии «1812 года»;

- обобщить результаты изучения темы русской кампании Наполеона в зарубежной науке, определить степень взаимосвязи и взаимопроникновения различных традиций друг в друга.

Хронологические рамки исследования охватывают обширный, почти двухсотлетний период от событий 1812 г. и зарождения историографии русской кампании в странах Запада до настоящего времени.

Фрактальными оказываются и **территориальные рамки исследования**, охватывающие большую часть Европы и США. В территориальное поле исследования косвенным образом включена Россия.

Источниковая база исследования представлена монографиями, статьями, воспоминаниями и другими жанрами литературы, полностью или частично посвященными рассмотрению различных аспектов войны 1812 г.

Наиболее широко представленным видом историографических источников являются проблемные исследования, анализирующие войну 1812 г. как целостный феномен, или рассматривающие отдельные сюжеты русской кампании Наполеона. Они представлены, главным образом, монографиями и научными статьями, неравнозначными по объему, значимости и глубине изложения материала¹.

---

¹ Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. P., 1823. Т. 1–2 ; Pélet J.-J.-J. Bataille de la Moskova // Spectateur militaire. 1829. Т. 8. P. 105–160 ; Saint-Hillaire E.M. Histoire de la campagne de Russie pendant l'année 1812 et de la captivité des prisonniers français en Sibérie et dans les autres provinces de l'empire. P., 1846. Т. 1–2 ; Grünwald C. La campagne de Russie. 1812. P., 1963. 390 p. ; Thiry J. La campagne de Russie. P., 1969. 374 p. ; Tranie J., Carmigniani J.-C. La campagne de Russie. Napoléon – 1812. P., 1981. 288 p. ; Hourtoulle F.-G. La Moskova – Borodino. La Bataille des Redoutes. P., 2000. 120 p. ; Porter R.K. A Narrative of the Campaign in Russia during the year 1812. L., 1815. 434 p. ; Wilson R. Narrative of Events during the Invasion of Russia by Napoleon Bonaparte, and the Retreat of the French Army, 1812. L., 1860. 422 p. ; Palmer A. Napoleon in Russia. L., 1967. 318 p. ; Duffy Ch. Borodino and the War of 1812. L., 1972. 208 p. ; Parkinson R. The Fox of the North. Life of Kutusov, general of War and Peace. L., 1976. 253 p. ; Pivka O. Armies of 1812. Cambridge, 1977. 160 p. ; Josselson M., Josselson D. The Commander: a Life of Barclay de Tolly. Oxford, 1980. 275 p. ; Nicolson N. Napoleon: 1812. N. Y., 1985. 192 p. ; Austin P.B. 1812: The March

Следующую группу историографических источников составляют общие труды, рассматривающие войну 1812 г. на широком фоне наполеоновской эпохи, либо в контексте с предыдущими и последующими кампаниями Наполеона в Европе¹.

---

on Moscow. L., 1993. 416 p. ; Idem. 1812: Napoleon in Moscow. L., 1995. 264 p. ; Idem. 1812: The Great Retreat. L., 1996. 464 p. ; Smith D. Borodino. Moreton-in-March, 1998. 185 p. ; Zamoyski A. 1812: Napoleon's Fatal March on Moscow. L., 2004. 644 p. ; George H. Napoleon's Invasion of Russia. L., 1899. 451 p. ; Foord E. Napoleon's Russian campaign of 1812. Boston, 1915. 424 p. ; Strakhofsky L. Alexander I of Russia. The man who defeated Napoleon. N. Y., 1947. 302 p. ; Cate C. The War of the Two Emperors. The Duel between Napoleon and Alexander. Russia, 1812. N. Y., 1985. 487 p. ; Nafziger G. Napoleon's Invasion of Russia. Novato; CA, 1988. 649 p. ; Riehn R.K. 1812. Napoleon's Russian Campaign. N. Y., 1991. 525 p. ; Mikaberidze A. The Battle of Borodino. Napoleon Against Kutuzov. Barnsley, 2007. 276 p. ; Steger F. Der Feldzug von 1812. Braunschweig, 1845. 373 s. ; Beitske H. Geschichte des Russischen Krieges im Jahre 1812. Berlin, 1856. 360 s. ; Förster F. Napoleon I russischer Feldzug 1812. Berlin, 1856. 134 s. ; Krauss T. Geschichte der bayerschen Heersabteilung im Feldzuge gegen Russland 1812. Augsburg, 1857. 241 s. ; Dittfurth M. Die Schlacht bei Borodino am 7. September 1812. Marburg, 1887. 134 s. ; Bleibetreu K. Der russische Feldzug. 1812. Leipzig, 1893. 143 s. ; Osten-Sacken C. Der Feldzug von 1812. Berlin, 1901. 343 s. ; Holzhausen P. Die Deutschen in Russland 1812. Berlin, 1912. Bd. 1–2 ; Blankenhorn E. 1812. Badischen Truppen in Russland. Karlsruhe, 1937. 190 s. ; Gerhardt O. Die Württemberger in Russland 1812. Stuttgart, 1937. 250 s. ; Kukiel M. Wojna 1812 roku. Kraków, 1937. T. 1–2 ; Bielecki R. Berezyna. Warszawa, 1990. 246 str. ; etc.

¹ Jomini A.-H. Vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui-même, au tribunal de César, d'Alexandre et de Frédéric. P., 1827. T. 4. 350 p. ; Thiers L.-A. Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 1856. T. 14. 687 p. ; Michelet J. Histoire du XIXe siècle. P., 1875. T. 3. 475 p. ; Rambaud A. Français et Russes. Moscou et Sévastopol. 1812–1854. P., 1877. 412 p. ; Driault E. Napoléon et l'Europe. La Grand Empire (1809–1812). P., 1924. 424 p. ; Aubry O. Napoléon. P., 1936. 384 p. ; Madelin L. Histoire de Consulat et de l'Empire. P., 1949. T. 12. 404 p. ; Fugier A. La Révolution française et l'Empire napoléonien. P., 1954. T. 4. 422 p. ; Castellet A. Histoire de Napoléon Bonaparte. P., 1969. T. 8. 392 p. ; Blond G. La Grande Armée. 1804–1815. P., 1979. 585 p. ; Boudon J.-O. La France et l'Europe de Napoléon. P., 2006. 344 p. ; McQueen J. The Campaigns of 1812, 1813 and 1814. Glasgow, 1815. Vol. 1–2 ; Scott W. The life of Napoleon Buonaparte, Emperor of the French. L., 1827. Vol. 7. 623 p. ; Alison A. History of Europe from the commencement of the French Revolution to the Restoration of the Bourbons in 1815. L., 1841. Vol. 8. 435 p. ; Cathcart G. Commentaries on the War in Russia and Germany, 1812 and 1813. L., 1850. 381 p. ; Rosebery A.Ph. Napoleon: The last phase. L., 1900. 261 p. ; Chandler D.G. The Campaigns of Napoleon. L., 1966. 1172 p. ; Исдейл Ч.Дж. Наполеоновские войны. Ростов н/Д, 1997. 544 с. ; Sloane W.N. Life of Napoleon Bonapart. L.; N. Y., 1896. Vol. 1–4 ; Dodge T.A. Napoleon. A history of the art of war. Boston ; N. Y., 1906. Vol. 3. 747 p. ; Elting J.R. Swords around a

Отдельную группу историографических источников составляют так называемые мемуары-«современные истории» (особенно характерные для ранних этапов французской историографии), в которых находит отражение не только личный опыт автора, но и элементы конкретно-исторического исследования¹.

Для написания работы были привлечены также справочно-энциклопедические издания, электронные ресурсы сети Интернет².

Throne. Napoleon's Grand Armée. N. Y.; L., 1988. 769 p. ; Liebenstein F.L.A. Der Krieg Napoleons gegen Russland in den Jahren 1812 und 1813. Frankfurt a M., 1819. Bd. 1–2 ; Cerrini di Monte Varchi C.F. Die Feldzüge der Sachsen in den Jahren 1812 und 1813. Dresden, 1821. 510 s. ; Шлоссер Ф. Всемирная история / Пер. с нем. СПб.; М., 1872. Т. 6. 673 с. ; Leyh M. Die Feldzüge des königlich bayerischen Heeres unter Max I. Joseph von 1805–1815. München, 1935. 537 s. ; Lunsman F. Die Armee des Königreichs Westfalen 1807–1813. Berlin, 1935. 326 p. ; Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk. München, 1954–1968. Bd. 1–4; Абуш А. Ложный путь одной нации. К пониманию германской истории. М., 1962. 349 с. ; Gembarzewski B. Wojsko polskie. Księstwo Warszawskie. 1807–1814. Warszawa, 1912. 350 str. ; Chelminski J.V., Malibran A. L'armée du duché de Varsovie. P., 1913. 316 p. ; Kukiel M. Wojny napoleońskie. Warszawa, 1927 Str. 219–223 ; Zych G. Armia Księstwa Warszawskiego 1807–1812. Warszawa, 1961. 423 s. ; Kirkor S. Legia Nadwiślańska 1808–1814. Londyn, 1981. 264 s. ; etc.

¹ Labaume E. Relation circonstancié de la campagne de Russie en 1812. P., 1814. 404 p. ; [Guillaume de Vaudoncourt F.-F.] Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie, en 1812. L., 1815. Т. 1–2 ; Ségur Ph.-P. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. P., 1824. Т. 1–2 ; Fain A.-J.-F. Manuscrit de mil huit cent douze contenant le précis des événements de cette année; pour servir à l'Histoire de l'Empereur Napoléon. P., 1827. Т. 1–2 ; Caulaincourt A.-A.-L. Souvenirs du duc de Vicence. Bruxelles, 1838. Т. 1–2 ; Dumas M. Souvenirs du lieutenant général comte Mathieu Dumas, de 1770 à 1836. P., 1839. Т. 3. 612 p. ; Denniée P.-P. Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. P., 1842. 212 p.; Berthezène P. Souvenirs militaires de la République et de l'Empire. P., 1855. Т. 2. P. 1–220 ; Pelleport P. Souvenirs militaires et intimes. P., 1857. Т. 1–2 ; Fézensac M. Souvenirs militaires. P., 1863. 215 p. ; Lejeune L.-F. Souvenirs d'un officiers de l'Empire. P., 1895. 350 p. ; Solyk R. Napoléon en 1812. Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie. P., 1836. 464 p. ; etc.

² Haythornthwaite Ph.J. The Napoleonic source book. L., 1990. 414 p. ; Dictionary of the Napoleonic Wars / Ed. by D.G. Chandler. Ware, 1999. 567 p. ; Fierro A., Palluel-Guillard A., Tulard J. Histoire et Dictionnaire du Consulat et de l'Empire. P., 1995. 1350 p. ; Tulard J. Dictionnaire Napoléon. P., 1999. Т. 1–2 (первое изд. знаменитого «Словаря» Ж. Тюлара вышло в 1987 г.) ; Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. 880 с.

С точки зрения национально-культурной принадлежности круг историографических источников охватывает труды, изданные на территории Франции, Германии, Италии, Польши, Швеции, Австрии, Швейцарии, Великобритании и США, а также России и стран «постсоветского пространства». В ряде случаев при работе с зарубежными материалами привлекались их известные русские переводы.

Для достижения поставленных задач в работе использовались **исторические источники**, которые можно разделить на несколько групп.

Первую группу составили источники личного происхождения (письма, записки, дневники и др.), среди которых особое значение имела переписка высшего командного состава армии и, разумеется, самого императора Наполеона I¹. Большую ценность представляли дневники офицеров Великой армии (М. Фезенсака, Б. Кастелана, Г. Бонне и др.)², а также мемуары-автобиографии³.

---

¹ [Du Casse A.] Mémoires et correspondance politique et militaire du Prince Eugène. P., 1858–1860. Т. 7–8 ; D'Eckmühl A.-L. (de Blocqueville). Le maréchal Davout, prince D'Eckmühl. P., 1880. Т. 3. 563 p. ; Correspondance du maréchal Davout. P., 1885. Т. 3 ; Chuquet A. Lettres de 1812. P., 1911. Sér.1. 342 p. ; Idem. 1812. La Guerre de Russie: Notes et documents. P., 1912. Sér. 1–3 ; Idem. Ordres et apostilles de Napoleon I-er. P., 1911–1912. Т. 1–3 ; Ternaux-Compans N.-D.-M. Le général Compans. P., 1912. 360 p. ; Napoléon. Lettres inédits de Napoléon à Marie-Louise. 1810–1814. P., 1935. 290 p. ; etc.

² Fézensac M. Journal de la campagne de Russie en 1812. P., 1849. 204 p. ; Castellane E.-V.-E.-B. Journal. P., 1895. Т. 1. P. 107–208 ; Fantin des Odoards L.-F. Journal. Étapes d'un officier de la Grande Armée. P., 1895. 231 p. ; François C. Journal du capitaine François. P., 1904. Т. 1–2 ; Bonnet. Journal // Carnet de la Sabretache. 1912. P. 641–672 ; Lagneau L.-V. Journal d'un chirurgien de la Grande Armée. P., 1913. 127 p. ; etc.

³ Bourgeois R. Tableau de la campagne de Moscou en 1812. P., 1814. 156 p. ; Larrey D.-J. Mémoires de chirurgie militaire et campagne. P., 1817. Т. 4. 286 p. ; Rapp J. Memoires. L., 1823. 431 p. ; Bausset L.-F.-J. Mémoires anecdotiques sur l'intérieur du Palais et de quelques événements de l'Empire, du 1805–1814. Bruxelles, 1827. Т. 2. 358 p. ; Aubry Th.-J. Souvenirs du 12-ème de chasseurs. P., 1889. 320 p. ; Pion des Loches A.-A. Mes campagnes. P., 1889. 190 p. ; Dupuy V. Souvenirs militaires. P., 1892. 316 p. ; Boulart J.-F. Mémoires militaires sur les guerres de la République et de l'Empire. Paris. 1892. 368 p. ; Le Manuscrit des carabiniers // Revue de cavalerie. Paris; Nancy, 1894. P. 208–215 ; Le Roy C.-F.-M. Souvenirs // Mémoires de la Société Bourguignonne de geographic et d'histoire. Dijon, 1894. Т. 29. 321 p. ; Seruzier T.-J.-J. Mémoires

Вторую группу письменных источников составили материалы официального делопроизводства. Это, главным образом, официальная переписка императора Наполеона, представленная 23 и 24 томами его «Корреспонденции» (нами было использовано классическое издание 1867–1868 гг.), где были отражены подготовка и проведение русской кампании¹. В начале XX в. рядом французских исследователей (Л. Маргероном, Г. Фабри, А. Шюке и др.), а также российскими архивистами (на основе трофейных документов) были опубликованы многочисленные материалы, освещающие военно-оперативные вопросы подготовки и проведения войны 1812 г. Эти материалы, равно как и данные военной статистики, изданные А. Мартиньеном, имеют исключительное значение².

---

militaires. P., 1894. 344 p.; Planat de la Faye N.-L. Vie de Planat de la Faye. P., 1895. 700 p.; Bellot de Kergorre A. Un commissaire des guerres pendant le Premier Empire. P., 1899. 190 p.; Dutheillet de Lamothe A. Mémoires. Bruxelles, 1899. 236 p.; Vionnet de Maringoné L.-J. Souvenirs. P., 1899. 192 p.; Dedem de Gelder. Mémoires du général Dedem de Gelder. P., 1900. 310 p.; Biot H.-F. Souvenirs anecdotiques et militaires. P., 1901. 554 p.; Bertrand V. Mémoires de capitaine Bertrand. Augers, 1909. 312 p.; Griois L. Mémoires du général Griois. P., 1909. T. 2. 391 p.; Henckens J.L. Mémoires. La Haye, 1910. 250 p.; Teste F.-A. Souvenirs // Carnet de la Sabretache. 1911. P. 662–672, 740–752; Bro L. Mémoires du général Bro. P., 1914. 305 p.; Dumonceau F. Mémoires. Bruxelles, 1958. T. 1–2; Burkersroda. Die Sachsen in Russland. Ein Beitrag zur Geschichte des russischen Feldzugs im Jahre 1812, besonders im Bezug auf das Schicksal der königl. sächsischen Truppen-Abtheilung bei der grossen französischen Armee. Naumburg, 1846. 64 s.; Meerheim F.L.A. von. Erlebnisse eines Veteranen der grossen Armee, während des Feldzuges in Russland, 1812. Dresden, 1860. 327 s.; Wedel C.A.W., von. Geschichte eines Officiers im Kriege gegen Russland 1812. Berlin. 1897. 310 s.; Chlapowski D. Lettres sur les événements militaires en Pologne et en Lithuanie. P., 1832. 262 p.; Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 1912. 367 с.; Bertolini B. La campagna di Russia. Milano, 1940. 270 p.; etc.

¹ Napoléon I. Correspondance de Napoléon I-er. P., 1868. T. 23–24.

² Fabry G. Campagne de Russie 1812: Operations militaires. P., 1900–1903. T. 1–5; Margueron L. Campagne de Russie. P., 1898–1906. T. 1–4; Martinien A. Liste des officiers généraux, tués ou blessés sous le Premier Empire de 1805 à 1815. P., 1895. 36 p.; Idem. Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les Guerres de l'Empire. 1805–1815. P., 1899. 824 p.; Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива главного штаба. Отд. 2. Бумаги, отбитые у противника. СПб., 1903. Т. 1. 336 с.; Goriainow S.E. Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812. P., 1913 440 p. Многие делопроизводственные материалы содержатся также в ранее указанных изд.: [Du Casse A.] Op. cit.;

Отдельную группу исторических источников, имеющую самостоятельное значение, составили изобразительные источники. Нами были привлечены, прежде всего, рисунки непосредственных участников похода А. Адама и К.Г. Фабер дю Фора, работавших с натуры¹. Нами также привлекались картографические материалы, включая образцы карт, которыми пользовалось высшее командование Великой армии в России².

Методологическая база современного историографического исследования предполагает знакомство с основными теоретико-концептуальными моделями исторического познания и обращение к принципам междисциплинарности, представляющим возможность изучения «человека прошлого» в системе социокультурных и культурно-исторических феноменов.

Принимая общие принципы историографического исследования, важнейшими из которых являются принцип историзма, понимаемый как изучение процесса накопления знаний через выявление качественных этапов его развития, и стремление к научной объективности, мы исходим из более широкого, междисциплинарного понимания историографии, предложенного в зарубежной науке (в работах М. Блока, Ф. Броделя, Й. Хейзинги, А. Макинтайра и др.)³ и разрабатываемого в дальнейшем рядом отечественных специалистов-методологов (А.Я. Гуревичем, О.М. Медушевской, Л.П. Репиной, М.Ф. Румянцевой, О.С. Поршневой и

Correspondance du maréchal Davout. T. 3 ; Chuquet A. 1812. La Guerre de Russie. Sér. 1–3 ; Idem. Ordres et apostilles de Napoleon I-er. T. 1–3.

¹ Adam A. Voyage pittoresque et militaire de Willenberg en Prusse jusqu' à Moscou fait en 1812, pris sur le terrain même, et lithographié par Albert Adam. Munich, 1828. 95 pl. ; Faber du Faur. Blatter aus meinen Portfeuille, im Laufe des Feldzug 1812 in Russland, an Ort und Stelle gezeichnet. Stuttgart, 1831–1843. 196 s.

² Chambray G. Op. cit. T. 1–2 ; Fabry G. Op. cit. T. 3 ; Beaucour F. Autour de Sept lettres inédites de Murat à son Ministre Agar pendant la campagne de Russie de 1812 // Études napoléoniennes. 2000. P. 730–731.

³ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. Сб. переводов / Под ред. И.С. Кона. М., 1977. С. 115–142 ; Коллингвуд Р.Дж. Идея истории / Пер. с англ. М., 1980. 485 с. ; Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с франц. М., 1986. 254 с. ; Февр Л. Бои за историко / Пер. с франц. М., 1991. 629 с. ; Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Пер. с голл. М., 1992. 464 с. ; Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М., 2000. 296 с. ; и др.

др.)¹. Исходя из этих общетеоретических положений, достаточно продуктивным представляется культурно-антропологический подход, позволяющий сравнительно глубоко проанализировать причины и последствия политических, государственно-идеологических, социальных, а также культурно-исторических процессов и явлений. Учитывая ценностно-мировоззренческие последствия «эпохи постмодернизма» и несомненные достижения «новой интеллектуальной истории», воплотившиеся в «новой историографии», остро встает вопрос о понимании и «прочтении» национальных временных кодов, транслируемых многоголосыми участниками войны 1812 г. своим потомкам и формирующих, таким образом, межвременной диалог той или иной нации со временем.

В качестве конкретных (прикладных) методов историографического исследования мы использовали сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и историко-генетический методы. Основными критериями для сравнительно-исторического анализа были мотивы, цели, установки и ценности, тематические и методологические особенности, присущие различным национальным традициям (равно как и конкурирующие внутри каждой из них). Проблемно-хронологический метод был реализован через выделение стержневых проблем, получивших превалирующее значение на определенном этапе развития той или иной историографической традиции. Использование историко-генетического метода позволило на значительном временном отрезке (порядка двух столетий) проанализировать и представить характер эволюционных изменений, преемственностей и разрывов коллективной памяти, определившей специфику формирования национальных историографических традиций. Помимо этого, в ряде случаев был

---

¹ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993. 328 с. ; Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Методология истории. М., 1997. 72 с. ; Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. 278 с. ; Её же. Комбинационные возможности микро- и макроанализа: историографическая практика // ДсВ. 2001. Вып. 7. С. 61–88 ; Её же. Междисциплинарность и история // Там же. 2004. Вып. 11. С. 5–17 ; Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. 288 с. ; Поршнева О.С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. Екатеринбург, 2005. 136 с. ; и др.

привлечен инструментарий герменевтики, без чего невозможна корректная интерпретация исторических текстов и проникновение в конкретно-психологическую ситуацию эпохи, а также методы семиотики, позволившие реконструировать взаимосвязь субъективного и объективного, уловить «импульсы» исторической памяти¹. Значительное влияние на характер работы оказали также теоретико-методологические достижения исторической психологии².

Таким образом, для лучшего понимания проблем формирования и развития зарубежной историографии войны 1812 г. нами были использованы как традиционные методы историографического исследования, так и новые методы, получившие распространение относительно недавно.

Степень изученности темы. Историографические дискуссии вокруг темы «1812 года» разгорелись еще до того, как навсегда смолкли залпы наполеоновских орудий. Уже в первых работах, вышедших из-под пера французских, английских, немецких и русских авторов в 1813–1820 гг. (Э. Лабома, Ф. Гийома де Водонкура, Дж. Хэмингуэя, Р. Портера, К.Г. Бретшнейдера, Ф.Л.А. Либенштейна, П.А. Чуйкевича, Ф.Н. Глинки и др.), обнаруживается стремление к анализу нарождающейся историографии «памятной» войны Наполеона с Россией, полемике с оппонентами. В острых дискуссиях того времени, с одной стороны, фиксировались реальные процессы оформления национальной памяти народов Европы, а с другой, стимулировалось развитие национальной памяти европейцев (и русских) в определенном культурно и политически обусловленном направлении.

В России обращение к зарубежной историографии войны 1812 г. изначально было осложнено политико-идеологическими мотивировками власти и культурно-историческим «опытом»

---

¹ Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. 544 с.; Рюзен Й. Может ли вчера стать лучше? О метаморфозах прошлого в истории // ДсВ. М., 2003. Вып. 10. С. 48–65; Вин Ю.Я., Гриднева А.Ю., Кондратьев Д.Е., Тихонова О.В. Концепция семантического поля исторического источника // ДсВ. М., 2004. Вып. 12. С. 84–99; Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. М., 2004. 256 с.; и др.

² Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург, 1997. 688 с.; Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997. 505 с.; Оруджев З.М. Способ мышления эпохи. Философия прошлого. М., 2004. 400 с.

взаимодействия с Западом. Тем не менее, в первых исторических работах отечественных авторов (Д.И. Ахшарумова, Д.П. Бутурлина, Н.А. Окунева) заметно не только стремление активно использовать источники «не русского» происхождения, но и концептуальное влияние зарубежной историографии. В николаевское время оформляется официально-патриотическая концепция Отечественной войны 1812 г., представленная в официозном труде А.И. Михайловского-Данилевского¹. Но традиция обращения к зарубежным источникам и историографии сохраняется и даже получает новое развитие в масштабной работе М.И. Богдановича². Интерес к зарубежным материалам проявляли также историки «критического направления» (И.П. Липранди, А. Горяйнов и др.), выступавшие с антизападнических и квазипатриотических позиций.

В зарубежной исторической науке внимание к русской историографии было менее пристальным. Французские историки (Ж. Шамбрэ, Г. Гурго, А. Фэн, А. Жомини, А. Тьер и др.) предпочитали «проверенную» работу Д.П. Бутурлина патриотическому сочинению А.И. Михайловского-Данилевского. При этом во второй половине XIX в. исследователи Франции уже практически не интересовались историографией других стран, игнорируя не только русские работы, но и большинство трудов, выходящих в Германии и Великобритании. По другую сторону Ла-Манша, в Англии – под влиянием, прежде всего, В. Скотта и Р. Вильсона – сформировался отличный от «континентального» взгляд на войну Наполеона с Россией, однако собственно историографических работ в этот период в Британии не выходило. В немецкой науке историографические проблемы, как правило, поднимались в конкретно-историческом контексте: в сочинениях-мемуарах К.Ф. Церрини ди Монте Варчи, Г. Рооса, Ф.В. Бисмарка, Ф. Редера, Л.Э. Рот фон Шрекенштайна оспаривались многие тезисы французской и/или российской историографии, однако обобщающих выводов и системного историографического анализа не проводилось. Между тем, огромное влияние на историографию

---

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839. Ч. 1–4.

² Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859–1860. Т. 1–3.

войны 1812 г. оказали творческие поиски немецкого военного теоретика К. Клаузевица, французского историка А. Тьера и русского писателя Л.Н. Толстого, гениально воплотившего русское представление о войне с Наполеоном в романе-эпопее «Война и мир».

В конце XIX – начале XX в. в России историки «научно-критического направления» (А.Н. Попов, В.П. Харкевич, К.А. Военский, А.К. Дживелегов, Н.П. Михневич и др.) стремились пересмотреть выводы официозной историографии, обратившись к так называемым «объективным закономерностям» исторического процесса. Благодаря их деятельности была значительно расширена источниковая база изучения темы 1812 г. Особое значение имела публикация А.М. Васютинским, А.К. Дживелеговым и С.П. Мельгуновым сборника «Французы в России», содержащего воспоминания многих участников русского похода Наполеона¹. Накануне 100-летнего юбилея 1812 г. общие выводы авторов этого направления были представлены в знаменитом 7-томном издании «Отечественная война и русское общество»². В рамках этого коллективного труда была предпринята попытка комплексно представить достижения зарубежной историографии, используя в качестве классификационного критерия национальное происхождение историографических материалов. В этот период многочисленные материалы о кампании Наполеона в России публикуются также во Франции (силами Г. Фабри, Л. Маргерона, А. Дю Касса, А. Шюке, А. Мартиньена и др.) и Германии (в основном, мемуарная литература). Однако историографических трудов не выходило.

В советской историографии тема изучения войны 1812 г. за рубежом по политико-идеологическим и теоретико-методологическим причинам оказалась не только непопулярной, но даже нередко опасной. И если «школа М.Н. Покровского», доминировавшая в период 1920-х – начала 1930-х гг., с марксистских позиций продолжала развитие «научно-критического направления», то с середины 30-х гг. прошлого века началось

---

¹ Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев / Сост. А.М. Васютинский, А.К. Дживелегов, С.П. Мельгунов. М., 1912. Ч. 1–3.

² Отечественная война и русское общество [1812–1912] / Под ред. А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты. М., 1911–1912. Т. 1–7.

возрождение традиций «официозно-легендарного периода». Игнорирование достижений зарубежной науки постепенно становится историографической нормой (работы В.В. Прунцова, П.А. Жилина, Н.И. Казакова, Н.Ф. Гарнича и др.), а обращение к иностранным источникам могло послужить поводом для нападок и обвинений (как в случае с академиком Е.В. Тарле). Между тем, ситуация в зарубежной науке также демонстрировала в 40–50-е гг. XX в. заметное возрождение узко-национальных и даже националистических мифов и интерпретаций (работы Л. Мадлена, А. Фюжье, О. Герхардта, Е. Бланкена, Г.Ф. Джексона, Л. Яреша и др.), что было особенно заметно на фоне творчества польского историка М. Кукеля, представившего в 1937 г. исследование, в котором некоторое место было уделено характеристике историографии 1812 г. (в том числе российской).

Ситуация изменилась в 1960-е гг. В трудах отечественных военных историков Л.Г. Бескровного, П.А. Жилина и Н.Г. Павленко появляются краткие обзоры или оценки зарубежной историографии, призванные продемонстрировать ограниченность буржуазной науки и оттенить достижения советских историков-марксистов. Более предметный интерес к зарубежной (главным образом, французской) историографии 1812 г. представил в своих статьях и монографиях специалист по русско-французским отношениям эпохи наполеоновских войн В.Г. Сироткин. Однако вплоть до конца 1980-х гг., когда в отечественной исторической науке начали происходить значительные теоретико-методологические и ценностно-мировоззренческие изменения, внимание к историографии зарубежных стран войны 1812 г. было поверхностным и неустойчивым. Во Франции в это время появляются работы К. Грюнвальда, Д. Оливье и Ж. Тири, демонстрирующие возросший интерес французов к материалам русского, немецкого и польского происхождения (включая новейшую историографию). В Британии и США выходят знаковые работы Д. Чандлера, К. Даффи, А. Палмера и К. Кэйта, также во многом чуждые мифотворчеству предыдущего периода. Оформляется восточногерманский взгляд на войну 1812 г., тесно связанный с российско-советской историографией.

Новый подход к зарубежной историографии 1812 г. был представлен в конце XX в. в работах саратовского профессора Н.А.

Троицкого. Уже в монографии, опубликованной в 1988 г., он отметил «наиболее объективные» работы Ж. Шамбрэ, А. Жомини, К. Клаузевица, Г. Хатчинсона, Д. Чандлера и Ж. Тири¹. Более внимательно к анализу зарубежной историографии Н.А. Троицкий обратился в исследовании «Отечественная война 1812 года. История темы», в котором разбору иностранной литературы посвящена небольшая глава. В этой работе «фундаментальные» труды советских историков (хотя и являющиеся, с точки зрения автора, методологически передовыми) уже «далеко уступают лучшим западным образцам», «более творческим, профессионально добросовестным, опирающимся на подлинные, а не на предвзято интерпретированные факты»². В целом, несмотря на то, что Н.А. Троицкий, по собственному признанию, обозрел лишь наиболее крупные, характерные и доступные труды зарубежных авторов, он пришел к выводу о необходимости изучения зарубежной историографии в целях получения «объективного представления» о войне 1812 г. Работа саратовского историка, появившаяся на фоне крупных общественно-политических изменений в стране, заметно стимулировала интерес отечественных специалистов к более широкому привлечению иностранных (теперь уже не только французских) источников и литературы.

Внимание к французским источникам по Отечественной войне 1812 г. вновь привлек московский историк В.М. Безотосный³. Великолепное знание зарубежных материалов (в особенности, немецких и польских) продемонстрировал в своих работах исследователь из Самары А.И. Попов⁴. Новые методы изучения отечественной и зарубежной историографии (применительно к Бородинскому сражению) предложил екатеринбургский историк В.Н. Земцов. В его новаторской монографии «Великая армия Наполеона в Бородинском

---

¹ Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 8.

² Он же. Отечественная война 1812 года. История темы. Саратов, 1991. С. 112.

³ Безотосный В.М. Французские источники по истории Отечественной войны 1812 года // История СССР. 1990. № 3. С. 212–219.

⁴ Попов А.И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002. 440 с.

сражении»¹, написанной на богатом источниковом и историографическом материале (преимущественно иностранного происхождения), не только представлена убедительная картина участия наполеоновской армии в генеральном сражении войны 1812 г., но и предпринята попытка выйти за рамки традиционных представлений об историографии, вскрыв глубинные пласты коллективной исторической памяти народов, сражавшихся когда-то на Бородинском поле.

Значительные изменения на рубеже тысячелетий произошли в зарубежной (прежде всего англо-американской) исторической науке о войне 1812 г. В работах французских историков Ф. Бокура и Ж.О. Будона, британца американско-польского происхождения А. Замойского и, особенно, американца грузинского происхождения А. Микаберидзе чувствуется возросшее внимание к российской традиции изучения войны с Наполеоном в 1812 г. В небольшом историографическом обзоре к своей работе «Роковой марш на Москву»² А. Замойский отметил не только творчество историков Д.П. Бутурлина и А.И. Михайловского-Данилевского, но также подчеркнул идеологическое влияние романа Л.Н. Толстого и попытался проследить эволюцию российской историографической традиции на протяжении двух веков. Еще более заметно воздействие современной российской историографии на выводы А. Микаберидзе, который основательно познакомился не только с трудами С.В. Шведова и Н.А. Троицкого, но и более поздними исследованиями В.М. Безотосного, А.И. Попова, В.Н. Земцова и др.³

Тем не менее, несмотря на значительные достижения отечественной и зарубежной историографии последнего времени, до настоящего времени не существует обобщающих и соответствующих современному состоянию исторической науки работ о развитии зарубежной исторической мысли, изучающей феномен войны 1812 г. В этом нам также видится актуальность избранной темы диссертационной работы.

---

¹ Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. 573 с.

² Zamoyski A. Op. cit. P. xv–xxi.

³ Mikaberidze A. Op. cit. P. xi–xiii.

Научная новизна исследования состоит в том, что на основе современных методологических подходов и широкого круга источников автором предпринята попытка создать обобщающую работу, посвященную комплексному исследованию историографических традиций изучения войны 1812 г. за рубежом. Научная новизна данного диссертационного исследования отражена также в постановке основных проблем и способах их разрешения с привлечением как традиционных, так и «новых» методов историографического и конкретно-исторического анализа.

В диссертации впервые в отечественной науке на обширном историографическом материале предлагается исследование национальных историографических традиций стран Запада, отнюдь не совпадающих с формальным начертанием европейских границ. Поставлена и разрешается задача выявить процессы трансформации и взаимовлияния этих традиций.

Научная новизна работы обусловлена также тем, что ряд привлеченных историографических источников никогда ранее не использовался и не анализировался в исторической науке.

Теоретическая и практическая значимость диссертации связана с тем, что обращение к внутренним и внешним процессам, протекавшим в рамках различных историографических традиций, помогает понять особенности внутрикультурных и межкультурных взаимоотношений, степень взаимовлияния и взаимозависимости культурологических конструктов. Исследование «природы» историографических традиций призвано способствовать лучшему пониманию особенностей функционирования мифологических сюжетов и их трансформации под воздействием культурных импульсов.

Фактические выводы и материалы, полученные в ходе исследования, могут быть использованы как в ходе более конкретного изучения культурно-исторических процессов, развивавшихся в Европе в начале XIX в., так и для исследований, осуществляемых на более широком историческом фоне в рамках смежных наук. Они могут быть также использованы при подготовке общих и специальных курсов по проблемам зарубежной и отечественной историографии.

Апробация основных положений и результатов исследования отражена в публикациях автора, сообщениях и докладах на научных конференциях, общим объемом 2,6 п. л.

Структура работы определяется задачами диссертационного исследования. Она состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, обозначаются объект и предмет исследования, анализируется степень изученности проблемы, формулируются цели и задачи, определяются хронологические и территориальные рамки работы, ее методологические принципы, научная новизна и практическая значимость, характеризуется источниковая база.

В первой главе «Поход Наполеона в Россию: историографический дискурс в рамках “большой” французской традиции», состоящей из трех параграфов, на основе историографического материала рассматривается проблема формирования и развития образов русского похода в исторической памяти французов, итальянцев и поляков. В соответствии с авторской классификацией по национальным течениям обосновывается внутренняя структура главы.

В первом параграфе «Французская историография: в тени “наполеоновской легенды”» рассматривается процесс становления и развития историографии во Франции.

Формирование французской историографии началось уже в 1812 г. с появлением бюллетеней Великой армии, в которых, несмотря на официозно-пропагандистский характер, нашли отражение не только «государственный интерес», но и чувства простого французского солдата, столкнувшегося с непривычными и исключительными трудностями. Впоследствии на остров Св. Елены свергнутый император Наполеон – большой знаток военной психологии и мастер исторического мифотворчества – ловко соединил культурно-исторические стереотипы восприятия противника с политико-идеологическим обоснованием похода в Россию (эти идеи были отражены в работах Ф. Гийома де

Водонкура, Г. Гурго, А. Фэна и др.). Однако сразу после падения Первой империи французская историография развивалась в рамках «роялистского мифа» (работы Р.Ж. Дюрдана и др.), основная слабость которого заключалась в отказе от опоры на «живую» коллективную память французов о войне 1812 г. Первые же попытки (в творчестве Э. Лабома) привлечь «реальные» воспоминания французских участников похода выявили несостоятельность роялистской интерпретации, которая быстро потеряла конкурентоспособность. В то же время влиянию «наполеоновской легенды» (в 20-е гг. XIX в. уже весьма значительному) до некоторой степени противостояло «научно-критическое» направление, представленное работами Ж. Шамбрэ, А. Жомини и Ж. Пеле-Клозо. Принципы этих двух конкурирующих направлений в дальнейшем в различной степени оказали воздействие на многие работы, выходявшие во Франции (Л. Гувийона Сен-Сира, М. Дюма, П.П. Денье, Э.М. Сент-Илера, Ф. Шапюи, П. Бертезена и др.), среди которых необходимо выделить получившие заметный резонанс в Европе сочинения Ф.П. Сегюра и А.О.Л. Коленкура, в которых был представлен психолого-биографический метод интерпретации событий 1812 г. Между тем, несмотря на продолжавшиеся в рамках французской историографии дискуссии (между Э. Лабомом и Ф. Гийомом де Водонкуром, Ф.П. Сегюром и Г. Гурго), начиная с 30-х гг. XIX в. заметное преобладание получила версия, апеллирующая к «наполеоновской легенде». Новое оформление (в духе идеи «государства-нации») она получила в творчестве А. Тьера, в некотором роде разделившем французскую историографию на периоды «до» и «после». Влияние его идей на последующих историков оказалось чрезвычайно велико (А. Рамбо, Л. Пинго, А. Сорель, А. Вандаль, Э. Дрио, Л. Мадлен и др.). Лишь в 60-е гг. прошлого столетия отдельными исследователями (К. Грюнвальдом, Д. Оливье, Ж. Тири) предпринимались слабые попытки вырваться из плена «наполеоновской легенды». Однако их сочинения смотрелись явным диссонансом на общем фоне (работы А. Кастело, Т. Гранье и Ж. Карминьяни, Ф. Уртуля и др.). И тем не менее, в начале нового тысячелетия во Франции созрели необходимые условия для преодоления границ наполеоновского

мифа, что нашло некоторое отражение в работах французских историков Ф. Бокура, Ж.О. Будона и др.

Во втором параграфе «Под французскими орлами: итальянская историография» рассматривается процесс формирования историографии «1812 года» на Апеннинском полуострове.

Начало итальянской историографии было связано с появлением перевода работы Э. Лабома и, особенно, оригинального сочинения Ч. Ложье де Белькура, которые были участниками похода в Россию и писали свои воспоминания, ориентируясь на культурно-исторический приоритет Франции, что, само по себе, являлось свидетельством несамостоятельности нарождавшейся итальянской историографии. В дальнейшем итальянцы еще дважды (в середине XIX в. и накануне Первой мировой войны) обращались к истории войны 1812 г. (работы Ф. Туротти, Ф. Пинелли, Дж. Капелло, Е. Салариса и др.), однако предложить сколько-нибудь новое прочтение привычных для французской традиции сюжетов им так и не удалось. В целом, интерес итальянских исследователей к русской кампании явно носил ситуационный характер, то угасая, то вновь возрождаясь под влиянием политических стимулов. Такое положение определялось, по-видимому, слабостью «национального» чувства у итальянских воинов Великой армии в 1812 г., не сумевшего оформиться в устойчивую коммеморативную традицию. Кроме того, роль «1812 года» в становлении государства-нации в Италии не была столь значительной, чтобы отстаивать право на собственную интерпретацию войны, оставшейся на периферии национальной памяти жителей Апеннин.

В третьем параграфе «“Французы Севера”: особенности польской историографии» приводится характеристика польской историографии войны 1812 г., также генетически восходящей к французской традиции.

Польская историография складывается на волне антирусских настроений после поражения восстания 1830–1831 гг. В первых эмигрантских работах польских авторов, написанных, главным образом, по французским источникам, война с Россией рассматривалась как своего рода борьба с дикостью и варварством во имя цивилизации, причем полякам в этой борьбе отводилась

важнейшая роль (С. Богуславский, Р. Солтык и др.). В дальнейшем пафос антироссийской борьбы, прослеживаемый по опубликованным мемуарам, ослабевает лишь после Первой мировой войны, когда происходит возрождение польской государственности. Этот период был отмечен наибольшими успехами польской историографии, связанными с творчеством М. Кукеля, представившего наиболее достоверное «польское» описание войны 1812 г. Причем традиции, заложенные М. Кукелем, сохранялись и в социалистический период развития Польши (Г. Зых, Р. Билецкий и др.). В настоящее время польская историография, по-прежнему сохраняя тесные связи с французской традицией, стала в то же время более открытой к взаимодействию с другими традициями (прежде всего, российской) и, как следствие, более осторожной в своих оценках.

Во второй главе «Война 1812 года в немецкой историографической традиции: между Западом и Востоком» рассматриваются проблемы, связанные с эволюцией немецкой историографии, представлен анализ ее истоков, специфические условия становления и причины последующих метаморфоз.

Важной особенностью исторической памяти немцев, во многом объясняющей специфику развития национальной историографии, была изначальная двойственность их положения: в кампании 1812 г. немцы воевали как в составе Великой армии, так и на стороне русских. Это предопределило тесное переплетение немецкой традиции изучения войны с традициями других стран (прежде всего, французской и российской). Другим важным фактором, повлиявшим на процесс развития немецкой историографии, был рост национальных настроений в ходе освободительной войны 1813 г.

Интерес немцев к истории русского похода устойчиво сохранялся на протяжении 20–30-х гг. XIX в., когда появились работы О.Р. Бомсдорфа, Ф.Л.А. Либенштейна, К.Г. Бретшнейдера, К. Церрини ди Монте Варчи, Л. Хохенхаузена, Г. Рооса, К. Клаузевица, Ф. Штегера, Ф. Редера и др. Вместе с тем критическое отношение к французской историографической традиции, усилившееся в середине XIX в. (в сочинениях Ф. Шлоссера, Г. Байцке, Л.Г.Э. Рот фон Шрекенштайна и др.), сопровождалось также переоценкой политического значения событий 1812 г.

Отныне немцы предпочитали не видеть связи между поражением Наполеона в России и последующим освобождением Германии. В дальнейшем, основным лейтмотивом немецкой историографии была мысль о бесполезности и бессмысленности жертв, принесенных германскими государями во имя чуждых немцам интересов (работы К. Блейбетрау, М. Дитфурта, К. Остен-Сакена и др.). Заметное место в немецкой историографии на рубеже XIX–XX вв. занимали также работы, выполненные с «практическими целями», как правило, под патронажем Генерального штаба (исследования М. Йорка фон Вартенбурга и Х. Фрейтаг-Лорингофена). Ситуация несколько изменилась после поражения Германии в Первой мировой войне, однако потребовался трагический опыт «Третьего рейха» для того, чтобы немецкая историография окончательно отказалась от романтизированно-воинственных оценок наполеоновской эпохи. «Разорванный» характер немецкой традиции во второй половине XX в. был оформлен политически: историки ФРГ (Г. Риттер, Г. Крафт, Ф. Шуберт и др.) и ГДР (А. Абуш, Л. Штерн, Г. Бок, А. Норден и др.) во многом по-разному оценивали события 1812 и 1813 гг. (как и их взаимосвязь). На рубеже нового тысячелетия интерес к русскому походу Наполеона в объединенной Германии заметно ослаб. В то же время наметилась тенденция к активному взаимодействию немецкой традиции с традициями других стран (показательно в этом отношении творчество англичанина Д. Смита, долгое время проживавшего в ФРГ и творившего под «немецким» псевдонимом).

В третьей главе «Англо-американская традиция изучения русской кампании Наполеона: проблемы историографической идентификации» проводится анализ исторической памяти тех народов, которые сами непосредственно не участвовали в боевых действиях на территории России, но вместе с тем создали уникальную традицию изучения этих событий. Глава состоит из двух параграфов.

Первый параграф «Британская традиция: от наполеонофобии к историографическому плюрализму» посвящен рассмотрению британской интерпретации «1812 года». Англия была жизненно заинтересована в поражении Великой армии в России, поэтому интерес к русской кампании Наполеона возник на Британских островах почти сразу (работы Дж.

Хэмингуэя, Дж. МакКвина, Р.К. Портера). Однако оформление историографической традиции в большей степени было связано с творчеством писателя В. Скотта, обратившегося к эмоционально-психологическим аспектам войны в России (в дальнейшем его идеи получили развитие в работах А. Алисона, Дж. Каткарта, А. Розбери и др.). Окончательно же британская традиция сложилась в 60-е гг. XIX в. под влиянием работ Р. Т. Вильсона, состоявшего в 1812 г. комиссаром при Главной квартире русской армии. Все последующие британские историки обращались к его сочинениям (Ч. Файф, Х.Д. Хатчинсон, Р.Дж. Бартон, Д. Чандлер и др.). Заметные перемены, связанные с угасанием в английском сознании наполеонофобии, начали происходить в историографии Великобритании во второй половине XX в. В это время были опубликованы наиболее значительные сочинения Д. Чандлера, А. Палмера и К. Даффи. По-прежнему появлялись работы, исследующие эмоционально-психологические аспекты русской кампании (П.Б. Остин). Вопросами униформологии занимались Д. Смит и Ф.Дж. Хэйторнгуэйт. Однако еще более значительные перемены произошли в британской историографии в начале нового тысячелетия. В работах Д. Ливена и А. Замойского была представлена обновленная картина войны 1812 г., во многом апеллирующая к российской историографической традиции.

Во втором параграфе «Американская историография: заокеанская модификация британской версии» рассматривается американская историография русской кампании Наполеона, развивающаяся (с середины XIX в.) в неразрывном единстве с британской традицией.

Формирование американской модификации британской традиции связано с работами В. Слоона, Х. Джонса, Е. Фурда, Х. Беллока, Т. Доджа и др. По большей части сочинения американцев были неоригинальны, зачастую повторяя, либо варьируя выводы британских историков (работы Л. Страховского, Л. Яреша, В.Дж. Эспозито и др.). Самостоятельное лицо у историографии США появилось только в 80-е гг. XX в., когда были опубликованы труды К. Кэйта, Дж. Нафзигера и Р.К. Рьена, в которых отразились как сильные (методологическая вариативность и стремление к объективности), так и слабые (пренебрежение первоисточниками) стороны «американского взгляда» на события 1812 г. В целом,

американская историография в начале XXI в. по-прежнему сохраняет «родовую» связь с британской традицией, демонстрируя в то же время определенную открытость для новых прочтений (работы А. Микаберидзе).

В заключении подводятся наиболее значимые итоги исследования, резюмируются основные положения работы, делаются общие выводы.

Изучение «больших» историографических традиций в исследовании русской кампании, начиная с этапа их формирования в 10-х гг. XIX в. и заканчивая процессами трансформации этих традиций в начале XXI в., показало, что они могут рассматриваться одновременно и как способ, и как механизм осмысления разнообразного опыта войны 1812 г.

«Большая» французская традиция сыграла структурообразующую роль в контексте исторической памяти европейских народов о войне 1812 г. Ее раннее формирование и внутренняя монолитность обеспечили стабильное функционирование и воспроизведение основных стереотипных положений и ценностных ориентаций восприятия войны через мифологизированные образы исторических событий 1812 г. В то же время эта традиция в большей степени, нежели любая другая, несет на себе отпечаток первоначального мифа-основания, которым является «наполеоновская легенда». Немногочисленная итальянская историография лишь оттеняла и уточняла роль в войне уроженцев Апеннин, оставаясь в концептуальном отношении полностью в русле французской традиции. Больше своеобразие проявила польская историография, также генетически восходящая к французской традиции, однако сумевшая предложить ряд самостоятельных и уникальных трактовок. Во многом это было связано с более развитым чувством «национального» у польских участников наполеоновского нашествия и не реализовавшимися ожиданиями от «второй польской войны». Лишь на рубеже нового тысячелетия французская традиция начинает выходить из тени «наполеоновской легенды», открывая для себя иные национальные интерпретации и потенциальные направления, не реализовавшиеся в XIX–XX вв.

«Большая» немецкая историографическая традиция формировалась в иных конкретно-исторических условиях и

идейно-политической атмосфере, что обусловило ее большее разнообразие и внутреннюю пластичность. Черпая из нескольких источников коллективной памяти, она оказалась духовно и идейно разнородной и в то же время идеологически податливой для воздействий со стороны Власти. Развитие немецкой традиции было осложнено также ее «промежуточным» положением между французским и российским историографическими дискурсами, влияние которых в отдельные исторические периоды было весьма значительным. Трагические события первой половины XX в. разрушительным образом сказались на немецкой историографии, подорвав веру в прежние ориентиры. На рубеже нового тысячелетия немцы в значительной степени утратили интерес к войне 1812 г. Вместе с тем их богатая и многогранная традиция в настоящее время по-прежнему является источником вдохновения для других национальных интерпретаций: значение немецкой историографии все еще велико для многих «малых» стран Европы (Австрии, Швейцарии, стран Балтии).

Собственный уникальный путь изучения русской кампании 1812 г. представила англо-американская традиция. Опыт осмысления континентальной войны здесь балансировал от выраженной наполеонофобии до геополитических разработок и модернизаторства. В то же время англо-американская традиция оказалась наименее восприимчива к «стереотипам памяти», восходящим к коллективному опыту участников войны. В результате, в начале нового тысячелетия историография Великобритании и США в большей степени, чем историографические традиции других стран, свободна от стереотипных суждений и традиционных «ловушек» исторической памяти. Нынешнее активное «освоение» российского историографического опыта в англоязычной науке, осуществляемое через творческую деятельность выходцев из Восточной Европы (А. Замойский, А. Микаберидзе), только подчеркивает принципиальную «открытость» и плюралистичность англо-саксонской традиции.

В целом, исследование позволило выявить ряд слабоизученных в отечественной науке проблем зарубежной историографии, связанных с особенностями функционирования национальной исторической памяти и ее мифологических

оснований. Проведение историографического исследования показало, что в настоящее время «большие» историографические дискурсы стран Запада вступили в полосу метастабильности. Во многом это связано с разрушением культурных перегородок, долгое время предохранявших мифологические ядра национально-ориентированных традиций от соприкосновения. Далеко зашедший процесс формирования культурно-политического единства Европы и все более осознаваемое внутреннее родство Западной цивилизации, как и высокая степень мобильности информационно-коммуникативных потоков, создающих инфосферу современного наднационального общества, привели на рубеже нового тысячелетия к принципиально новой историографической ситуации, связанной с ослаблением национальных дискурсов и поиском иных идентификационных оснований.

Исследование историографических традиций зарубежных стран также позволило обнаружить присутствие как глубинных долговременных факторов, определяющих характерные особенности «национального взгляда» на события 1812 г., так и манипулятивных действий, имеющих, как правило, конъюнктурно-политическое происхождение, «упакованных» в виде искусственных мифологических конструкций и задействованных с целью трансформации исторической памяти или ее корректировки. Думается, что в современных российских условиях требуется максимально бережное отношение к национальной исторической памяти и в то же время выстраивание конструктивного диалога с теми национальными традициями, которые формируются в настоящее время на территориях бывшего Советского Союза. Умелое использование потенциала российской историографической традиции и ее успешная интеграция в мировую науку может способствовать новым теоретико-методологическим и философско-мировоззренческим поискам в контексте построения в России уникального когнитивного проекта в условиях конкурентного будущего.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

**Публикации в ведущих научных рецензируемых изданиях,
рекомендованных Высшей аттестационной комиссией:**

1. Русская кампания 1812 г. и геостратегия Наполеона // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2009. № 3 (24). С. 12–18. (0,6 п.л.).

**Публикации в сборниках научных трудов,
материалы докладов и сообщений:**

1. Отечественная война 1812 г. глазами британского историка Д. Чандлера // Роль исторического образования в формировании исторического сознания общества: сб. науч. ст. / Урал. гос. пед. ун-т. В 2 ч. Ч. 2. Екатеринбург, 2007. С. 70–73. (0,3 п.л.).

2. Отечественная война 1812 г. в британской историографии // Воспитательный потенциал исторического образования: сб. науч. ст. / ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». В 2 ч. Ч. 2. Екатеринбург, 2008. С. 441–443. (0,2 п.л.).

3. Англо-американские историки и Отечественная война 1812 г.: опыт историографической идентификации // Запад, Восток и Россия: национально-культурная идентичность в историческом контексте: Вопросы всеобщей истории. Вып. 10 / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2008. С. 86–91. (0,4 п.л.).

4. Дэвид Чандлер (1934–2004) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. VII: сб. материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ. Вып. 179. М., 2008. С. 426–434. (в соавт. 0,5/0,25 п.л.).

5. Русская кампания Наполеона: геостратегический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 31. Челябинск, 2009. № 12 (150). С. 120–124. (0,5 п.л.).

6. Поход Наполеона в Россию глазами маркиза Ж. де Шамбрэ // Новейшая история России в образовательном пространстве школы и вуза: традиции и новации: сб. науч. ст. / ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». В 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 2009. С. 333–339. (0,3 п.л.).

Подписано в печать 15.10.2009. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$.
Печ. л. 1,62. Уч.-изд. 1,52. Тираж 100 экз. Заказ № 180.

Банк культурной информации.
620026, Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56.
Тел./факс +7(343) 251-65-26.

